

Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х — 1870-х гг.

Любовь Мельникова

The Orthodox factor of Russian's policy in the Balkans in the late 1850s — 1870s

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI

Предыстория Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в историографии, как правило, связывается с Восточным кризисом середины 1870-х гг., главной составляющей которого было широкое развитие национально-освободительной борьбы южнославянских народов против власти Порты (лето 1875 г. — восстание в Боснии и Герцеговине, апрель 1876 г. — восстание в Болгарии, июнь 1876 г. — вступление в войну против Турции Сербии и Черногории). Между тем предпосылки этого международного конфликта уходят гораздо глубже и логически вытекают из последствий неудачной для России Крымской войны 1853—1856 гг. «Сосредотачиваясь», по словам министра иностранных дел А.М. Горчакова, после понесённого поражения, Россия искала пути для восстановления своих позиций на Балканах и Ближнем Востоке. В это время активизировалось движение болгарского народа за национальную автокефальную Церковь (выход из Константинопольского патриархата), ставшее, по сути, началом борьбы за политическое освобождение Болгарии. Россия, опасаясь дальнейшего снижения своего влияния в регионе, прилагала немалые дипломатические усилия для умиротворения противоборствовавших сторон и разрешения разгоравшегося конфликта путём разумного компромисса. Развитие греко-болгарской церковной распри вызвало в российском обществе рост панславистских настроений, пик которых пришёлся на время Восточного кризиса и стал одной из причин, повлиявших на решение российского императора Александра II объявить войну Османской империи.

Русская политика в греко-болгарском церковном вопросе неоднократно становилась предметом изучения исследователей международных отношений¹. При этом в их работах в основном рассматривается деятельность в данном направлении российских дипломатов (главным образом гр. Н.П. Игнатьева), гораздо меньше показаны канонические отношения Русской Церкви с Константинопольским патриархатом и представителями болгарского духовенства

© 2018 г. Л.В. Мельникова

¹ Филиппов Т.И. Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распря. СПб., 1870; Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889; Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909; Кирил, патриарх Български. Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследоване и документи. Т. 1. София, 1958; Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978; Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878—1898). М., 2006; Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009; и др.

по заявленной проблеме, а также реакция на происходившее различных слоёв российского общества. Цель данной статьи — подробно осветить эти вопросы, а также проследить, как постановление Константинопольского собора 1872 г. о провозглашении Болгарской Церкви схизматической повлияло на отношение Русской Церкви к болгарам в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

* * *

После завоевания турками Болгарии её народ лишился не только своей государственности, но и национальной Церкви (Тырновский патриархат был подчинён Константинопольскому престолу в 1393 г., Охридская архиепископия — в 1767 г.). Начало борьбы за церковную автокефалию было связано с пробуждением национального самосознания болгарского народа, ярким проявлением которого стало появление и широкое распространение в списках «Истории славяно-болгарской» иеромонаха Паисия Хилендарского (1762), явившейся своеобразным манифестом патриотизма. Как и движение за просвещение болгар, борьба за церковную независимость основывалась на изданных османским правительством реформаторских актах — Гюльханском хатт-и шерифе (1839) и хатт-и хумаюне (1856), которые уравнили в правах всех подданных султана без различия вероисповедания, но во многом остались «мёртвой буквой закона». Болгарский церковный вопрос практически сразу приобрёл политический характер, ибо болгары, находившиеся под двойным гнѐтом — османским и греко-фанариотским — фактически боролись за национальное выживание. Восстановление автокефальной Болгарской Церкви означало бы официальное признание турецким правительством самобытности болгарского народа и явилось бы шагом к получению им политических прав. Неслучайно в болгарской историографии период борьбы за церковную независимость принято характеризовать как «мирный этап» национальной революции².

Первые народные выступления в болгарских землях были направлены против греческих архиереев и сопровождались требованиями замены их архипастырями из болгар. Поскольку практически всё высшее духовенство православного миллета (*«millet-i Rûm»*) Османской империи, включая его главу — Вселенского (Константинопольского) патриарха, было греческого происхождения, то многие иерархи в большей или меньшей степени проводили эллизацию окормляемого населения, крайними формами которой на Балканах нередко становились уничтожение памятников древней славянской письменности и запрещение богослужения на церковнославянском языке³. Выступление в 1820 г. жителей Врацы, отказавшихся от уплаты «владычины» греческому епископу Мефодию, стало предвестником греко-болгарской церковной распри⁴. В 1825—1830 гг. вспыхнули восстания в Скопие, Самокове, Стара Загоре и Казанлыке, в ходе которых повсеместно выдвигались требования о назначении архиереев из болгар и об освобождении населения от непосильных налогов⁵.

Важным моментом в истории греко-болгарского церковного конфликта явились события 1840 г., когда делегация от крупнейшей в болгарских землях Тырновской епархии подала султану жалобу на злоупотребления местно-

² Маркова З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976; Маркова З. Българската екзархия. 1870—1879. София, 1989; и др.

³ Подробнее см.: Теплов В. Указ. соч. С. 20—21.

⁴ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 155.

⁵ Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба... С. 36.

го греческого митрополита Панарета и обратилась с просьбой о назначении вместо него архимандрита Неофита (Бозвели), одного из лидеров болгарского национального возрождения. По настоянию Константинопольского патриарха Анфима IV турецкое правительство отклонило эту просьбу, и на Тырновскую кафедру вновь был назначен грек — митрополит Неофит (Византиос). Отказ султана вызвал широкие волнения среди жителей болгарских городов⁶.

В 1844—1845 гг. делегация константинопольских болгар во главе с Неофитом (Бозвели) и Иларионом (Стояновичем) подала султану два ходатайства, содержащие ряд требований: открытие в Константинополе болгарского храма, направление в епархии, населенные болгарами, архиереев из славян, назначение им жалованья (вместо податей и сборов), право на издание книг на болгарском языке, учреждение народных училищ, назначение в Порту постоянных болгарских представителей и др. Вскоре оба ходатая по ложному обвинению в подготовке восстания против турецких властей были заключены в монастырскую тюрьму Хилендарской обители. Неофит там и скончался, а Илариону через некоторое время удалось выйти на свободу⁷.

В конце 1840-х — 1850-х гг., отчасти при помощи российской дипломатии, Патриархия и турецкое правительство всё же пошли на некоторые уступки: в октябре 1849 г. в столице Османской империи была освящена болгарская церковь Св. Стефана, ставшая вскоре центром болгарского национально-освободительного движения. В 1850-х гг. состоялись хиротонии нескольких епископов болгарского происхождения, в том числе упоминавшегося Илариона (Стояновича), возглавившего в 1856 г. болгарскую общину Константинополя с титулом епископа Макариопольского⁸.

После Крымской войны и издания хатт-и хумаюна, гарантировавшего гражданское равноправие всем подданным султана и предусматривавшего, в частности, прекращение сбора податей в пользу церковных иерархов, видинские болгары обратились в Порту и Патриархию с уже традиционной просьбой о направлении в болгарские епархии епископов и священников из природных славян и назначении жалованья своим архиереям, но, несмотря на содействие российского посланника в Константинополе А.П. Бутенёва, получили отказ⁹.

Вскоре среди болгар оформилась идея о восстановлении автокефалии Болгарской Церкви. На Константинопольском церковно-народном собрании, открывшем заседания в 1858 г., болгарские депутаты выдвинули требования об учреждении независимой болгарской иерархии, которая избиралась бы паствой и имела бы представителей в патриаршем Синоде¹⁰. За работой церковно-народного собрания, продолжавшейся около двух лет, с напряжённым вниманием следили из Санкт-Петербурга.

Александр II искренне сочувствовал болгарам, но в то же время в Восточном вопросе продолжал политику своих предшественников, в основу которой были положены опора на Константинопольский патриархат и принцип единства православия на Востоке. Дальнейшее развитие греко-болгарской распри и возможное разделение Церкви привели бы к ослаблению не только двух православных народов, проживавших в исламском государстве, но и к сни-

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 40—41.

⁸ Скурят К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т. 1. С. 155—156.

⁹ Теплов В. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1899. С. 67.

жению влияния России в регионе. «Мне нужно единство Церкви», — трижды повторил император в беседе с архимандритом Петром (Троицким) 8 июня 1858 г. перед его отъездом в Константинополь в связи с назначением настоятелем русской посольской церкви. Положение священнослужителя Александр II назвал «весьма трудным и щекотливым» (надо «почтительно обходиться с греками и оказывать покровительство славянам») и советовал ему действовать «с осмотрительностью и благоразумием»¹¹.

В Константинополе архимандрит Пётр пробыл два года. В письмах к обер-прокурору Святейшего Синода гр. А.П. Толстому (от 8 ноября 1858 г. и 20 июня 1859 г.) он изложил собственные наблюдения за греко-болгарским спором и описал свои действия, направленные на его урегулирование (они выражались в «благоразумном вразумлении» болгар и обсуждении их требований с патриархом). Прежде всего отец Пётр подчеркнул, что положение дел, открывшееся ему на месте, не вполне соответствовало его первоначальным представлениям. Жалобы болгар на притеснения со стороны греков он счёл преувеличенными, а препятствия к выполнению отдельных их требований — объективными и труднопреодолимыми. Например, по его словам, в большинстве болгарских епархий (за исключением «не более семи», расположенных в Македонии) богослужение проводилось на церковнославянском языке, а соответствующие запрещения относились, скорее, к «частным случаям», чем к «общему правилу»; в 1850-х гг. открылось около 80 болгарских народных училищ (впрочем, в них не хватало как учебной литературы, так и учителей); в степень архиерейства болгары действительно возводились крайне редко, однако лишь по причине практического отсутствия среди них людей с высшим духовным образованием¹².

Письма архимандрита Петра вызвали у Толстого недоумение, послужив основанием для того, чтобы заподозрить его в пристрастии к грекам. Они были переданы митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) для составления соответствующего отзыва. Внимательно проанализировав эти послания, митрополит Филарет нашёл в них несколько противоречий и неточностей, констатируя, что архимандрит не смог объективно разобраться в обстановке («мне достался горький труд указывать тёмные облака на Востоке, где отец Пётр хочет видеть только ясный свет»). Предположение о пристрастном отношении настоятеля русской посольской церкви в Константинополе к греческому духовенству Филарет отклонил («он доброжелательно печётся о благе и греков, и болгар»), но при этом заметил у него опасное предубеждение против российского посольства, «соединённое с недостойною уважения наклонностью к оппозиции» (причиной послужила фраза архимандрита Петра: «Страшной, уродливой ненавистью к иерархам греческим заражено наше молодое посольство»)¹³. В 1860 г. отец Пётр был переведён в Афины, а его место в Константинополе занял архимандрит Антонин (Капустин)¹⁴.

¹¹ Аудиенция архимандриту Петру при назначении его в 1858 году настоятелем русской посольской церкви в Константинополе // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII (январь, февраль, март). С. 491—493.

¹² Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. Т. XXV (июль, август, сентябрь). С. 274—283.

¹³ Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 146—156.

¹⁴ О пребывании архимандрита Антонина (Капустина) в Константинополе см.: *Антонин (Капустин), архим.* Донесения из Константинополя (1860—1865). М., 2013.

Находясь в Афинах, архимандрит Пётр уже «для себя» написал записку, в которой подчеркнул, что в случае «отделения Церкви болгарской от греческой будут обоюдные потери. Теряет Церковь греческая своё величие, силу, массу, — не хочу упоминать о суетных выгодах. Но и имеющая отделиться Церковь болгарская ничего от того не приобретает, теряя вместе с тем и всё то, что теряет Церковь греческая: теряет величие, поелику новая не имеет устройства и твёрдости; теряет силу, поелику не имеет опыта и единомыслия; теряет массу, поелику остаётся со своей, крайне невежественной». Положение Болгарской Церкви в случае её выхода из Константинопольского патриархата он сравнил с ситуацией, в которой находились раскольники в России¹⁵.

Между тем на Балканах и в Константинополе события развивались следующим образом. Противостоянием болгар и греков, а также ослаблением позиций России, утратившей после Крымской войны право «исключительного покровительства» над православными подданными турецкого султана, воспользовались католические миссионеры, с 1856 г. активно проводившие пропаганду на территории болгарских и македонских епархий. В результате летом 1859 г. жители Полянинско-Дойранской (Кукушской) епархии, недовольные своим епископом-греком Мелетием, решили перейти в унию. Неприятный инцидент удалось предотвратить стараниями епископа Макариопольского Илариона, добившегося назначения Полянинским епископом болгарина Парфения Зографского¹⁶. Вскоре к унии временно примкнула часть константинопольской болгарской общины.

В феврале 1860 г. закончило работу церковно-народное собрание, отклонившее все требования, выдвинутые болгарскими представителями. Это известие, а также отказ Патриархии назначить на вакантную Охридскую кафедру архиерея-славянина привели к событию, ставшему поворотным пунктом в болгарском церковно-национальном движении. 3 апреля 1860 г. во время Пасхальной литургии в болгарском храме Св. Стефана в Константинополе епископ Макариопольский Иларион по требованию собравшегося народа вместо имени Константинопольского патриарха Кирилла VII помянул «всякое епископство православных», т.е. исполнил порядок поминовения, принятый для предстоятелей автокефальных Церквей. Это означало отказ от признания церковной юрисдикции Константинополя. Акция была поддержана митрополитами Велесским Авксентием и Пловдивским Паисием. Весть о произошедшем быстро разнеслась по всей Болгарии. Из разных мест Илариону приходили благодарственные адреса, раздавались призывы провозгласить его «патриархом всей Болгарии», но от этого он отказался¹⁷.

Поражённый случившимся патриарх Кирилл VII подал в отставку. Его преемник Иоаким II (избран 4 октября 1860 г.) намеревался решить болгарский вопрос «мерами церковной строгости», о чём и заявил российскому посланнику в Константинополе кн. А.Б. Лобанову-Ростовскому во время одной из первых встреч. В декабре 1860 г. он разослал окружное послание, в котором обличил «произвольное объявление» болгарскими иерархической независимости, произошедшее «без всякой канонической и другой законности», подчеркнув, что преосвященные Иларион, Авксентий и Паисий, поддавшись гордости и

¹⁵ Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю. С. 283—285.

¹⁶ Поповкин А.А. Московский Славянский комитет и «Кукушская уния» (1859 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 158—161.

¹⁷ Теплов В. Указ. соч. С. 40—41.

«гнилому мудрованию», «попрали страшные обещания, данные пред Богом при их рукоположении»¹⁸. На послание патриарха болгары дали «краткий ответ», выполненный в не менее резких выражениях и не содержащий ни малейшего намёка на сознание своей неправоты¹⁹.

Происходившие события сильно обеспокоили российское правительство. 25 января 1861 г. глава МИД А.М. Горчаков писал митрополиту Филарету, что поднятый болгарями в Константинополе церковный вопрос «дошёл ныне до крайних своих пределов» и «может разрешиться только двояким образом: или болгары составят отдельную православную Церковь, как в былые времена, — Церковь, имеющую во главе своей патриарха, который будет заседать в Цареградском Синоде, признавая первенство Вселенского патриарха, или же они примут унию и подчинятся папе». Горчаков подчеркнул: «Император, признавая необходимость употребить все меры к удержанию болгар в православной вере и предпочитая самостоятельную православную Церковь Болгарскую переходу болгар под власть Рима, желал бы, чтобы Российская Православная Церковь присоединила свои усилия к настояниям нашего посланника в Константинополе для представления патриарху всей существенной потребности решиться на уступку желаниям болгар и на прекращение пагубного раздора признанием Болгарской Церкви самостоятельным членом православной семьи»²⁰. Отмечу, что получение согласия патриарха являлось в данном случае принципиальным вопросом, ибо без этого явочным порядком болгары не могли создать *канонически законную* национальную Церковь.

Однако митрополит Филарет полагал, что прямое официальное вмешательство российского Синода в греко-болгарскую распрю без соответствующего приглашения патриарха окажется бесполезным и приведёт лишь к охлаждению отношений между Русской Церковью и Константинопольским патриархатом. По его мнению, в тех условиях патриарху можно было лишь осторожно внушать мысль о необходимости определённых уступок болгарам ради сохранения мира и единства православия, причём лучше делать это путём «посреднического, частного, доверенного сношения»²¹.

Примером проявления такой осторожной политики является послание российского Святейшего Синода Вселенскому патриарху Иоакиму II в ответ на его «грамоту извещения и общения» от 22 октября 1860 г., присланную в Петербург после избрания на патриарший престол. По совету Филарета в этом документе после традиционных приветствий и уверений в братолюбии была выражена «глубокая скорбь», вызванная «внутренними затруднениями великой Церкви» в связи с болгарским движением. Назвав последнее «незаконным и своевольным», Синод вместе с тем аккуратно обратил внимание патриарха Иоакима на то, что предоставление болгарам определённых уступок помогло бы избежать гораздо больших проблем: «Не будет ли усмотрено нужным допустить несколько неприятное, чтобы отвратить бедственное, допустив снисходительное удовлетворение некоторых, более или менее благословных, желаний болгар и неправильные их действия, покрыв милосердным прощением, чтобы

¹⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 194.

¹⁹ Там же. С. 195.

²⁰ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. СПб., 1900. С. 535—536.

²¹ Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 174.

восстановить мир и обезопасить нераздельность вверенной хранению вашему Церкви»²².

По тем же причинам осенью 1860 г. митрополит Филарет отклонил предложение Толстого послать в Константинополь члена российского Святейшего Синода в качестве представителя-миротворца. Подготовить переговоры патриарха Иоакима II и епископа Илариона («проложить мост» над разделявшей их «пропастью»), по мнению святителя, следовало путём конфиденциального, неофициального посредничества духовного лица, которому доверяли обе стороны (например, архимандрита Антонина (Капустина)). При этом Илариону следовало внушить, что он непременно должен не только смягчить свои требования, но и «обратиться к патриарху с особенным смирением, прося его снисхождения и прощения неправильности, им допущенной», ибо «произвольное прекращение болгарскими возношения имени Вселенского патриарха в богослужении есть важное нарушение соборных правил и вообще порядка и законности»²³. В конце января 1861 г. митрополит Филарет, ознакомившись с текстами окружного послания патриарха и болгарского ответа и не найдя в них «семян мира», справедливо усомнился в успехе посредничества и во взаимном желании Илариона и Иоакима II вступить в переговоры²⁴. 24 февраля 1861 г. на Константинопольском Поместном соборе болгарские архиереи Иларион, Авксентий и Паисий были низложены и лишены сана, а в апреле того же года высланы на Афон²⁵.

Вскоре в греко-болгарскую распрю вмешалась Порта, получившая от болгарских представителей петицию, содержавшую ряд новых требований: участие болгар наряду с греками в избрании патриарха, равное представительство болгарских и греческих архиереев в Синоде и народном совете при патриархе, избрание жителями епархий кандидатов на замещение кафедр. Для рассмотрения этих вопросов по настоянию турецкого правительства в июле 1862 г. Иоаким II сформировал смешанную греко-болгарскую комиссию, но её члены к соглашению не пришли.

Возвращаясь к митрополиту Филарету, отмечу, что в его мнениях и отзывах по делам Православной Церкви на Востоке с конца 1850-х гг. по 1867 г. греко-болгарский спор занимал одно из центральных мест, причём с течением времени точка зрения святителя на решение этой проблемы в целом не менялась. Филарет находил необходимым, чтобы болгары получили возможность молиться Богу на родном языке и «иметь единоплеменное духовенство», но отвергал идею о болгарской церковной независимости, особенно об «автокефалии патриаршеской». Выходом из сложившегося положения он считал компромисс, который называл «разделением без разрыва»: предоставить управление болгарскими епархиями митрополиту-болгарину, который назначал бы епископов, но при этом сам рукополагался Константинопольским патриархом²⁶.

Позицию митрополита Филарета практически полностью разделял Святейший Синод. В историографии неоднократно высказывалась точка зрения о том, что у Синода и МИД существовали противоположные подходы к реше-

²² Там же. С. 110—112.

²³ Там же. С. 162—165.

²⁴ Там же. С. 194—196.

²⁵ *Лигуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба... С. 74.

²⁶ Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 98, 158—159.

нию греко-болгарского вопроса²⁷, однако, на мой взгляд, степень разногласий между этими ведомствами была несущественной: оба они, хотя и с неодинаковой активностью, действовали в одном русле — примирения сторон путём компромисса ради сохранения единства православия на Востоке.

Так, сходные мыслям Филарета идеи о каноническом наделении Болгарской Церкви определёнными правами с сохранением её неразрывной связи с Константинопольским патриархатом и о поддержании традиционных дружеских связей последнего с Россией были положены в основу программы действий гр. Н.П. Игнатьева, назначенного в 1864 г. российским посланником в Константинополе.

В январе 1867 г. Игнатьев предложил проект, предусматривавший создание особого Болгарского экзархата (церковного округа), который бы управлялся Болгарским Синодом под председательством экзарха, утверждавшегося Константинопольским патриархом. Сначала проект не понравился ни Патриархии, ни Порте. 27 июня 1867 г. Игнатьев писал в российский МИД: «Порта страшится имени Болгарии. Она не хотела бы давать политических границ этой провинции. Турецкие министры боятся, чтобы вопрос церковно-административный не послужил орудием к образованию политического общества, с которым ей впоследствии пришлось иметь бы дело»²⁸. Однако постепенно российскому посланнику удалось склонить и Вселенского патриарха Григория VI, и турецкое правительство к принятию идеи о создании Болгарского экзархата. Для определения его границ была сформирована согласительная комиссия, но в её работе камнем преткновения вскоре стал вопрос о включении (или не включении) в создаваемый округ так называемых смешанных епархий (населенных и болгарам, и греками).

12 декабря 1868 г. патриарх Григорий VI обратился к предстоятелям всех автокефальных православных Церквей с окружным посланием, в котором предложил решить рассматриваемую проблему на Вселенском соборе. Святейший Синод Русской Церкви в ответном послании от 19 апреля 1869 г. заявил, что не считает греко-болгарский спор вопросом вселенского характера (ибо он не касается вселенской веры и Церкви) и потому признаёт «создание сего собора излишним и неудобным»²⁹. Полагая определение характера болгарского церковного управления внутренним делом Константинопольского патриархата, Синод призвал Григория VI удовлетворить «по возможности» «если не все, то некоторые желания болгар», которые назвал «самыми естественными, основательными и законными»³⁰. Другие православные Церкви в ответных посланиях Константинопольскому патриарху тоже выразили свои мнения о требованиях болгар: Сербская Церковь, как и Русская, признала их «заслуживающими удовлетворения», Церкви Иерусалимская, Александрийская, Антиохийская и Греческого королевства — «антиканоническими»³¹.

В 1869 г. была сформирована новая греко-болгарская комиссия, которая выработала очередной вариант проекта создания Болгарского экзархата,

²⁷ См., например: *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург... С. 231; *Герд Л.А.* «В делах Востока первой заботой нашей должна быть Святая Церковь...». Две записки обер-прокурора Св. Синода А.П. Толстого по греко-болгарскому вопросу с комментариями императора Александра II. 1860 г. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 50.

²⁸ Цит. по: *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев... С. 199.

²⁹ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3389а, л. 214—214 об.

³⁰ *Теплов В.* Указ. соч. С. 70; *Филиппов Т.И.* Указ. соч. С. 103.

³¹ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3389а, л. 219.

однако Патриархия вновь отказалась его принять. Тогда Игнатьев посоветовал болгарам добиться утверждения проекта комиссии специальным правительственным распоряжением, обязательным для обеих сторон, и вести дальнейшие переговоры на его основе. Это и произошло с изданием султанского фирмана от 27 февраля 1870 г., которым был учреждён Болгарский экзархат. В него вошли епархии, где преобладало болгарское население³². В смешанных областях предполагалось провести опросы («истилиямы») среди населения, за подчинение юрисдикции Болгарского экзархата должно было высказаться не менее 2/3 жителей.

Каноническая связь нового округа с Константинопольским патриархатом определялась фирманом следующим образом: по избрании экзарха Болгарским Синодом Константинопольский патриарх выдаёт ему подтвердительную грамоту; имя патриарха должно поминаться за богослужением; по делам вероисповедания Константинопольский патриарх и его Синод оказывают Болгарскому Синоду требуемую помощь; из Константинополя болгары получают святое миро³³.

Болгары торжествовали. Многие представители русской общественности (особенно славянофилы), всё это время активно обсуждавшие ход греко-болгарской распри в прессе, ликовали. Игнатьев был очень доволен. В донесении в МИД от 3 марта 1870 г. он оценил издание фирмана, создавшего в Османской империи новый славянский центр, как «плод пятилетних усилий посольства и своих лично». «Создана новая национальность, лишённая до этого всех гражданских и политических прав», — писал он³⁴. При этом российский посланник понимал, что фирман являлся не окончательным, а лишь переходным этапом в решении церковного спора. Теперь необходимо было добиться канонического признания Болгарского экзархата со стороны Константинопольского патриархата.

Между тем патриарх Григорий VI оспорил компетенцию Порты в решении религиозных проблем и 30 сентября 1870 г. вновь предложил решить болгарский вопрос на Вселенском соборе. Российский Святейший Синод в ответном послании от 2 марта 1871 г. снова не поддержал это предложение, аргументировав свою точку зрения следующим образом. Во-первых, настоящий вопрос не носит вселенского характера, так как не касается оснований веры и вселенской Церкви, а относится исключительно к церковному управлению и, согласно церковным канонам, может и должен быть решён Поместным собором местной Константинопольской Церкви; во-вторых, ответы частных православных Церквей на первое послание патриарха по болгарскому вопросу ясно показали, что в случае созыва Вселенский собор не сможет принять окончательного (единогласного) решения, а только «представит печальное зрелище открытого

³² Русцукская (Русенская), Силистрийская, Преславская (Шуменская), Тырновская, Софийская, Врачанская, Ловчанская, Видинская, Нишская, Пиротская, Кюстендилская, Самоковская, Велесская, а также побережье Чёрного моря от Варны до Кюстендже (кроме Варны и 20 сёл, жители которых не были болгарами), Сливенский санджак (округ) без городов Анхиал (совр. Поморие) и Месемврия (совр. Несебр), Созопольская каза (уезд) без приморских сёл и Филиппопольская (Пловдивская) епархия без городов Филиппополь (Пловдив), Станимака (совр. Асеновград), 9 сёл и 4 монастырей.

³³ Текст фирмана см.: Българската екзархия. Сборник документи от архивните фондове на Народна библиотека «Иван Вазов». Пловдив, 2003. С. 43—45; русский перевод его статей см.: Пальмов И. С. Болгарская экзархия: первоначальное и современное её устройство. СПб., 1896. С. 6—9.

³⁴ Цит. по: Хевролина В. М. Николай Павлович Игнатьев... С. 203.

разногласия, если не разделения, между Церквами греческими и славянскими». Наконец, обращалось внимание на то, что болгарский церковный вопрос уже решён, хотя и не канонически, турецким правительством, и что в окончательной редакции проекта Болгарского экзархата, утверждённого султанским фирманом, насчитывалось лишь четыре несущественных разногласия с требованиями Константинопольского патриарха. «Каждый беспристрастный, — говорилось в послании, — должен согласиться, что из-за таких незначительных разногласий было бы несправедливо отвергать, отлучать от Церкви и называть раскольниками болгар, когда они заявляют, что не желают совершенно отделяться от Вселенской Патриархии, а, напротив, желают сохранять с нею связь и по делам веры, и иерархическую, и вообще церковную, согласно со священными канонами». В конце документа члены российского Синода подчеркнули, что усердно молят Бога о том, чтобы Вселенский патриарх «успешно совершил великий подвиг замирения и полного успокоения» своей «столько уже лет мятущейся духовной паствы» и явил миру «новый высокий пример пастырского самоотвержения, снисходительности и всепрощающей любви»³⁵.

В сентябре 1871 г. на Вселенский престол вступил российский ставленник 82-летний патриарх Анфим VI, поначалу искренне желавший примирения с болгарскими. В ходе возобновившихся переговоров (с негласным участием Игнатиева, убеждавшего греков быть сговорчивее, а болгар — смиреннее) удалось достичь соглашений по всем вопросам, кроме территориальных. Патриарх был готов расширить территорию Болгарского экзархата до 23 епархий, включив в неё часть Фракии и Македонии, за исключением нескольких крупных городов (Филиппополя, Варны и др.)³⁶. Однако подстрекавшиеся турками болгарские радикалы (среди них особо выделялся С.И. Чомаков) сначала настаивали на включении в состав экзархата 35 епархий, простиравшихся, по словам сотрудника российского посольства в Константинополе В.А. Теплового, «до самых почти ворот Царьграда и охватывающих три четверти Македонии», а затем, во время официального обсуждения в патриаршей резиденции проекта Анфима VI, неожиданно потребовали дополнительных уступок, в том числе передачи экзархату Филиппополя и Варны³⁷. Игнатиев полагал, что «крайняя партия» болгар намеренно старалась сорвать переговоры с патриархом, явно ратуя за создание «раскольнической Церкви», которую «рано или поздно признали бы другие автокефальные Церкви»³⁸. Что же касается турок, они, традиционно действуя в отношении христианского населения по принципу «разделяй и властвуй», в сложившихся условиях предпочитали греко-болгарскому соглашению греко-болгарский разрыв³⁹.

Спровоцированная болгарскими радикалами несанкционированная Бого-явленская служба, проведённая 6 января 1872 г. в константинопольской церкви Св. Стефана, положила предел миролюбию патриарха Анфима. Несмотря на попытки Игнатиева предотвратить крайние меры, совершивших богослужение архиереев подвергли строгим церковным наказаниям. Митрополиты Пловдивский Панарет и Ловчанский Иларион были низложены, а епископа Макари-

³⁵ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3389а, л. 216—225.

³⁶ Теплов В. Указ. соч. С. 99.

³⁷ Там же. С. 97, 100.

³⁸ Граф Н.П. Игнатиев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1. Записки о русской политике на Востоке. 1864—1887 гг. / Изд. подг. О.В. Анисимов, К.А. Вах; отв. ред. П.В. Стегний. М., 2015. С. 366.

³⁹ Там же. С. 292—293, 372.

опольского Илариона отлучили от Церкви⁴⁰. Вскоре Порта санкционировала действия по претворению в жизнь фирмана 1870 г. и разрешила болгарам выборы экзарха. В результате 16 февраля 1872 г. им стал Анфим (Чалыков), митрополит Видинский.

Определённые шаги, направленные на умиротворение сторон, предпринял известный церковный историк А.Н. Муравьёв. В частности, 1 марта 1872 г. в письме к экзарху Анфиму I он вспомнил, что в своё время тот был рукоположен в иеромонахи митрополитом Московским Филаретом в Троице-Сергиевой лавре и, ссылаясь на авторитет и пример покойного святителя, посоветовал ему проявить смирение и просить Вселенского патриарха о каноническом посвящении⁴¹. То же самое настоятельно рекомендовал экзарху и Игнатиев.

Между тем, несмотря на все старания российской церковной и светской дипломатии, отношения между греками и болгарами продолжали накаляться, всё больше приближаясь к окончательному разрыву. В апреле 1872 г. патриарх Анфим VI трижды отказался принять экзарха Анфима I и отклонил все его просьбы. Тогда 11 мая 1872 г., в день памяти святых Кирилла и Мефодия, экзарх Анфим I с тремя сослужившими ему архиереями, церковное наказание которых он отказался признать действительным (митрополиты Пловдивский Панарет и Ловчанский Иларион, епископ Макариопольский Иларион), совершил литургию, после чего торжественно зачитал акт о провозглашении Болгарской Церкви автокефальной. Ответ патриарха Анфима VI не заставил себя долго ждать. 13—15 мая 1872 г. на заседании Синода Константинопольского патриархата экзарх Анфим I был лишён сана и низложен, митрополиты Панарет и Иларион отлучены от Церкви, а епископ Макариопольский Иларион предан вечной анафеме⁴². Вместе с тем началась подготовка к созыву собора для решения болгарского вопроса. В столице Османской империи проходили манифестации греческого населения. 15 тыс. греков подписали прошение к патриарху об объявлении болгар схизматиками⁴³.

14 августа 1872 г. в письме к Вселенскому патриарху Анфиму VI Муравьёв выразил сердечную боль из-за происходившего «разрушения единства церковного». «Не оправдываю дерзновения болгар, — писал он, — но могу ли равнодушно смотреть и на чувство национальной неприязни, проникшее в область церковную под оболочкою канонов! До чего дошло это чувство, что и на двор Патриарший врываются с кликами: “Да здравствует схизма!”». Подчеркнув, что «в нынешнюю тревожную эпоху» необходимо не поднимать «народные бури», а «стараться их умиротворить», Муравьёв отметил, что полагается «на мудрость стольких святителей, сошедшихся на собор», и молит Бога, чтобы «процвели на нём желанные мир и утверждение»⁴⁴. В письме к Иерусалимскому патриарху Кириллу II от того же числа Муравьёв выразил надежду, что «твёрдое слово трёх Патриарших престолов Александрии, Антиохии и Иерусалима» сможет на предстоящем соборе «умиротворить смятение, возникшее в Великой Церкви»⁴⁵.

Константинопольский собор восточных православных Церквей начал заседания 29 августа 1872 г. 16 сентября он рассмотрел и утвердил постановление о провозглашении Болгарской Церкви схизматической. Отныне она рассма-

⁴⁰ Теплов В. Указ. соч. С. 105; Маркова З. Българската екзархия... С. 49.

⁴¹ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3243, л. 9—10.

⁴² Теплов В. Указ. соч. С. 111; Маркова З. Българската екзархия... С. 51.

⁴³ Теплов В. Указ. соч. С. 113.

⁴⁴ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3243, л. 5—8.

⁴⁵ Там же, л. 11—12.

тривалась Вселенской Церковью как раскольническая, уклонившаяся в ересь филетизма (принцип племенного различия). От Церкви были отлучены экзарх, все болгарские архиереи, а также все те, кто «находился в духовном общении с ними»⁴⁶. Соборное постановление не подписал лишь патриарх Иерусалимский Кирилл II, увидевший в рассматриваемой проблеме «только одни национальные антипатии» и посчитавший «неправым» путь, на который «столь нерассудительно вступила Константинопольская Церковь»⁴⁷. Что же касается Русской Церкви, она уклонилась от участия в соборе и не присоединилась к его приговору, оставив без ответа послание Константинопольского патриарха Анфима VI о провозглашении схизмы. В то же время Святейший Синод со свойственной ему осторожностью не ответил и на послание Болгарского экзарха Анфима I, считавшего несправедливым решение собора и искавшего поддержки предстоятелей Поместных православных Церквей.

Болгарская схизма вызвала оживлённую дискуссию в русском обществе. 19 ноября 1872 г. историк-славист, секретарь Московского Славянского благотворительного комитета Н.А. Попов писал болгарскому публицисту Т. Стоянову-Бурмову в Константинополь: «Отлучение болгар произвело здесь сильное впечатление, которое растёт с каждым днём и вызывает журнальное и газетное обсуждение его. Все церковные журналы стоят за болгар; громадное большинство светских также за них, и только один Третий Филиппов в газетке “Гражданин” громит болгар и называет их мятежниками. В общественном мнении возникает раздражение против греков. Константинопольские корреспонденции “Московских ведомостей” читаются нарасхват»⁴⁸. Отмечу, что светский богослов и публицист Т.И. Филиппов, некогда близкий славянофилам, а в 1860—1870-х гг. занимавший прогреческую позицию, конечно, не был одинок в своих взглядах, однако его сторонники (среди них известный философ К.Н. Леонтьев) в развернувшейся полемике составляли явное меньшинство.

Александр II, недовольный решением Константинопольского собора 1872 г., наложил секвестр на доходы Восточных патриархатов с бессарабских имений.

Среди русских православных иерархов одним из ярых противников признания отлучения болгар выступил архиепископ Литовский и Виленский Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский. В записке «Греко-болгарский церковный вопрос и его решение», составленной в 1873 г., он подчеркнул недействительность болгарской схизмы для России: «Определение Константинопольского собора как поместного обязательно лишь для тех Церквей, архипастыри которых на нём присутствовали, а для всех прочих самостоятельных Церквей нисколько не обязательно... Мы можем, мы должны признавать и болгар, как и греков, несмотря на совершившийся между ними разрыв, равно нашими братьями по вере и православию»⁴⁹.

⁴⁶ Маркова З. Българската екзархия... С. 52; Граф Н.П. Игнатъев и Православный Восток... Т. 1. С. 372.

⁴⁷ Муравьёв А.Н. Переписка с восточными иерархами по греко-болгарскому делу. Киев, 1873. С. 39.

⁴⁸ Цит. по: Воробьёва И.Г. Греко-болгарская церковная борьба в работах историка-слависта Н.А. Попова // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2014. № 1. С. 82.

⁴⁹ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3389а, л. 330—332; Макарий (Булгаков), митр. Греко-болгарский церковный вопрос и его решение // Православное обозрение. 1891. Т. III (ноябрь, декабрь). С. 752—754.

По свидетельству Игнатьева, «провозглашение схизмы вместо того, чтобы обескуражить болгар, разбудило в них мечты о политической независимости»⁵⁰, что вскоре выразилось в подъёме национально-освободительного движения.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг., начатая Александром II в поддержку братьев-славян, показала всему миру, что Россия не признаёт болгарский народ отделившимся от православия. Русская Православная Церковь выступила в это время в тесном единстве с правительством и обществом. Во всех храмах страны читались проповеди, в которых священники объясняли народу справедливый, священный характер войны (защита единоверных нам братьев-славян от турецкого исламского ига). Церковь призывала прихожан к пожертвованиям на военные нужды и сама внесла на эти цели около 1 млн руб. Многие иерархи являлись членами Славянских комитетов и оказывали им всевозможную поддержку.

Русские полковые священники во время похода совершали совместные богослужения не только с греческим, но и с болгарским духовенством, что вызывало неоднократные протесты с греческой стороны. Так, в августе 1878 г. викарий Константинопольского патриархата митрополит Эфесский Агафангел через российского посла в Константинополе кн. Лобанова-Ростовского передал Святейшему Синоду послание, в котором от имени Патриархии указал на «незаконные, антиканонические и соблазнительные поступки» священников русской армии, вступающих в Болгарии и Фракии в литургическое общение со схизматическими иереями Болгарского экзархата, и просил принять надлежащие меры к исправлению их образа действий⁵¹. В декабре 1878 г. Вселенский патриарх Иоаким III передал Лобанову-Ростовскому письмо и записку по тому же предмету, где в довольно резких выражениях потребовал фактического признания Русской Церковью отлучения болгар. Обвинив российский Святейший Синод в несоблюдении «канонических прав любви и полного церковного единения в вере по случаю церковной схизмы филетистов», Иоаким III заявил, что, если продолжится совместное священнодействие русского духовенства с болгарским, то Великая Церковь «будет вынуждена действовать сообразно с постановлениями святых канонов православной веры, на защиту себя и своих верных чад». Патриарх напомнил также, что решением собора 1872 г. «схизматиками признаны и все те, кои стали бы иметь общение со схизматиками филетистами»⁵².

Рассмотрев эти документы, Святейший Синод в ответном послании от 22 февраля 1879 г. впервые официально и прямо выразил Константинопольскому патриархату свою позицию относительно болгарской схизмы. Прежде всего в духе упомянутой записки архиепископа Макария Синод заявил, что постановление Константинопольского собора 1872 г. как поместного не имеет обязательной силы для Русской Церкви, так как ни один из её епископов не присутствовал на соборных заседаниях. Более того, по мнению Синода, Русская Церковь не может подчиниться решению этого собора и потому, что оно состоялось «не канонически», т.е. с нарушением «ясных священных правил»: обвиняемые болгарские архиереи не были призваны на заседания, их осудили и предали анафеме заочно, «вместе со всею их духовною паствою»; «между архипастырями, созванными на собор, не было согласия в мнениях», постановле-

⁵⁰ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток... Т. 1. С. 376.

⁵¹ РГИА, ф. 797, оп. 48, отд. 2, ст. 3, д. 156, л. 44—44 об.

⁵² Там же, л. 17—18, 29—30.

ние приняли под давлением патриарха Анфима. Отвергнув само обвинение болгар в филетизме (поднятый ими вопрос касался лишь церковного управления), Синод заявил, что «не может не признавать болгар православными» и «не видит никакого основания прервать с ними церковное общение, в частности, возбранить такое общение и сослужение с болгарским духовенством русским священникам, находящимся ныне на Балканском полуострове при императорской армии». «Единственное исключение», которое Синод нашёл возможным сделать в этом отношении, заключалось в том, чтобы русские священники непосредственно в епархиях Константинопольского патриархата, «но не в епархиях, принадлежащих к Болгарскому экзархату», не входили в церковное сношение с болгарским духовенством, ибо «духовные лица одной какой-либо страны, когда находятся в другой единоверной стране, обязаны соблюдать с точностью все местные решения и распоряжения той Церкви». В заключение Синод вновь повторил «свой братский совет и просьбу как греческим, так и болгарским иерархам, чтобы они старались... войти в возможное соглашение и примирение между собою — ко благу своих собственных церковных округов и на радость нашей общей Матери Святой Христовой Православной Церкви»⁵³. Александр II, ознакомившись с данным документом, собственноручно написал на нём карандашом: «Я вполне одобряю проект ответа Святейшего Синода. Сообщить его немедленно Министерству иностранных дел»⁵⁴.

Следует отметить, что во время войны 1877—1878 гг. её русские участники, находившиеся на Балканском полуострове, старались относиться одинаково беспристрастно и к грекам, и к болгарам. Тем не менее греческое духовенство, ревностно следившее за происходившим, неоднократно подавало жалобы на различные злоупотребления болгар, совершавшиеся якобы под «пристрастным покровительством» русских военных властей (захват храмов и др.). При проверке этих жалоб изложенные в них данные, как правило, оказывались либо сильно преувеличенными, либо умышленно искажёнными. В переписке с Лобановым-Ростовским по поводу одного из таких обвинений главнокомандующий русской армией генерал Э.И. Тотлебен подчеркнул «поразительное различие в отношениях к нам болгарского и греческого, в особенности высшего, духовенства». Особое внимание он обратил на известного своим туркофильством греческого митрополита Дионисия, служившего в начале войны молебны «о торжестве турецкого оружия, о даровании ему победы над ненавистным врагом», а после вступления русских войск в Адрианополь поставившего себя «в самые враждебные отношения к нашей администрации» и погрузившегося в интриги⁵⁵. Впрочем, многие представители рядового греческого духовенства, прежде всего сельского, относились к русским военнослужащим вполне доброжелательно.

После войны российский Святейший Синод предпринял ряд мер, направленных на преодоление изоляции Болгарской Церкви, однако, принимая во внимание позицию Константинопольского патриархата и стремясь сохранить с ним братские отношения, не поддерживал с ней полного канонического общения, в частности, не допускал сослужения российских иерархов с болгарским высшим духовенством. Так произошло, например, в июле—августе 1879 г. во время приезда в Россию болгарской делегации во главе с митрополитом Ви-

⁵³ Там же, л. 35—42 об.; АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3389а, л. 526—533.

⁵⁴ РГИА, ф. 797, оп. 48, отд. 2, ст. 3, д. 156, л. 44.

⁵⁵ АВП РИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3389а, л. 493—499.

динским Анфимом для выражения благодарности Александру II за освобождение Болгарии от турецкого ига.

Отмечу, что в Константинополе в то время был распространён ложный слух о том, что 27 июля 1879 г., в день рождения императрицы Марии Александровны, в Александро-Невской лавре митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) совершил богослужение совместно с болгарскими архиереями — митрополитом Анфимом и епископом Климентом, и что нечто подобное должно было произойти в Москве во время проезда через неё болгарской делегации. Вселенский патриарх Иоаким III тут же направил соответствующий запрос российскому послу Лобанову-Ростовскому, подчеркнув при этом, что полученное известие его «глубоко поразило», погрузив «в печаль и скорбь», и что в случае подтверждения информации он окажется «в большом и безвыходном затруднении»⁵⁶. Сообщая об этом в МИД, князь отметил в своей депеше, что «в Патриархии нет недостатка в личностях, которые выставляют случившееся в Петербурге как скандал и проявление неуважения со стороны нашего высшего духовенства к Вселенскому престолу... доходят до того, что побуждают патриарха потребовать объяснений непосредственно от нашего Святейшего Синода»⁵⁷. Российские церковные власти опровергли поступивший слух, заявив, что болгарские архиереи не служили с митрополитом Исидором «ни в Александро-Невской лавре, ни в других церквях Санкт-Петербургской епархии», 27 июля они лишь присутствовали во время молебствия в Исаакиевском кафедральном соборе, «сслужения означенных лиц с русским духовенством не было и в Москве»⁵⁸. Я полагаю, что, хотя товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Н. Смирнов, отвечая МИД, сослался на упоминавшееся послание Синода Константинопольскому патриархату от 22 февраля 1879 г., не запрещавшее в принципе российским священникам совместное священнодействие с болгарскими иереями, русские иерархи не случайно воздержались от литургического общения с членами болгарской делегации.

Таким образом, в греко-болгарском церковном споре, являвшемся в XIX в. одним из ключевых вопросов церковно-политической жизни на православном Востоке, Россия по ряду причин не могла открыто поддержать какую-то одну из конфликтовавших сторон. И светская, и церковная дипломатии были вынуждены действовать достаточно осторожно, добиваясь от противников взаимных уступок и достижения компромисса. Не всё запланированное удалось осуществить, тем не менее в сложных международных условиях Россия оказала значительную поддержку болгарскому церковно-освободительному движению, ставшему предвестником борьбы болгарского народа за политическую независимость. Греко-болгарская распря, вызвав противоположные мнения в русском обществе, в целом обеспечила в нём рост панславистских настроений. Русская Церковь, несмотря на болгарскую схизму, оказала болгарам во время войны 1877—1878 гг. духовную поддержку и при этом, вопреки возникшей напряжённости, смогла сохранить братские отношения с Константинопольским патриархатом.

⁵⁶ РГИА, ф. 797, оп. 48, отд. 2, ст. 3, д. 156, л. 58.

⁵⁷ Там же, л. 57—57 об.

⁵⁸ Там же, л. 65—65 об.